

История СССР за рубежом

МАРКС, ЭНГЕЛЬС И РОССИЯ

ЗАМЕТКИ О СОВРЕМЕННОЙ БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Е. Г. ПЛИМАК

Больше ста лет буржуазная наука борется против научной революционной теории, видоизменяя формы, методы, тактику борьбы. Заговор молчания вокруг Маркса сменился еще в 70—80-е годы прошлого века открыто объявленной войной, с тех пор сотни и сотни казенных профессоров сделали карьеру на «уничтожении» марксизма, который после каждого «уничтожения» его официальной наукой становился «крепче, закаленнее, жизненнее» (В. И. Ленин).

Октябрь 1917 г. заставил антикоммунистов передвинуть центр своих атак на дела и идеи последователей Маркса; не прекращалась и борьба с основоположниками, но заметно усложнились линии борьбы. Реальные успехи и достижения социализма замалчивались и затемнялись, сложность претворения коммунистического идеала в жизнь выдавалась за невозможность социализма и коммунизма вообще, отдельные зигзаги и ошибки трактовались то как «логическое развитие» идей Маркса и Энгельса, то как «измена» всего коммунизма заветам учителей. Наконец, в самые последние годы буржуазные историки решились выступить в роли прямых «душеприказчиков» наследия Маркса и Энгельса.

Начало положила книга «Карл Маркс и Фридрих Энгельс. Русская угроза Европе», вышедшая одновременно в США и Англии в 1953 г. Ошеломив зарубежного читателя сенсационным сообщением об «изъянии» в Советском Союзе собрания сочинений Маркса и Энгельса, издатели предложили взамен «собрание статей, речей, писем и газетных корреспонденций, подобранных и прокомментированных Полем В. Блэкштоком и Бертом Ф. Хозилетцем»; в пособие были включены статьи Энгельса «Внешняя политика русского царизма», «Борьба в Венгрии», «Демократический панславизм», «Какое дело рабочему классу до Польши», некоторые корреспонденции Маркса и Энгельса эпохи Крымской войны, отрывки из их писем и работ о России 70—80-х годов¹.

Год спустя во Франции появилась публикация «Карл Маркс. Россия и Европа»; под этим названием Бенуа П. Гепнер издал полный текст «Разоблачений дипломатической истории XVIII столетия» Маркса, не преминув сообщить о том, что данная работа «буквально скрыта в СССР»².

¹ Karl Marx and Friedrich Engels. The Russian Menace to Europe, London, 1953.

² Karl Marx. La Russie et l'Europe. Premier édition intégrale présentée avec introduction Marx et la puissance russe par Benoit P. Hepner, Paris, 1954.

Наконец, в 1961—1962 гг. в ФРГ и США увидела свет хрестоматия «Маркс против России»; профессор Дериг вновь перепечатал в ней корреспонденции Маркса и Энгельса эпохи Крымской войны, снова известив «западный мир» о «полном запрете», наложенном на данные работы в «коммунистической России»³.

Помимо публикаций и пособий хрестоматийного типа, в западной буржуазной литературе стали появляться, так сказать, обзорные исследования на данную тему. Среди них назовем прежде всего вышедшую в 1956 г. в ФРГ монографию Гельмута Краузе «Маркс и Энгельс и современная им Россия» и серию статей Максимилиана Рубеля, опубликованную во французском правосоциалистическом журнале «La Revue socialiste»⁴.

Эта литература заслуживает пристального внимания советских историков не просто потому, что касается непосредственно России. Главное — в громадном значении «русской темы» в творчестве основоположников марксизма. Россия была тем оселком, на котором проверялось действие открытых Марксом общественных законов в странах, втягиваемых в русло капиталистической эволюции. На русском опыте решалась сложнейшая проблема взаимоотношений пролетарского движения передовых европейских стран и демократического революционного движения стран более отсталых, отрабатывались принципы международной политики пролетариата, наконец, оттачивался и совершенствовался метод исторического материализма в его применении к новым конкретным областям экономического, политического и исторического знания.

Не стоит доказывать, что любые покушения на эту часть наследия Маркса со стороны буржуазных ученых требуют от марксистов самого решительного отпора, и можно только пожалеть, что отпор этот не был своевременен и по всем линиям дан советскими историками. Связано это, на наш взгляд, не просто с определенной недооценкой важности борьбы с буржуазной наукой в данной области знания, но и с отдельными недоработками самого советского марксоведения, явно мешающими вести эту борьбу (мы имеем прежде всего в виду отсутствие в нашей новейшей литературе разбора работы Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века» и некоторые другие моменты).

Свой обзор буржуазной историографии мы начнем с последней по времени работы — хрестоматии Дерига, где лжеистолкование наследия Маркса и Энгельса о России предстает в наиболее обнаженном и грубом виде. Следующим необходимым объектом критического разбора будут книги Гепнера и Краузе — работы того же типа по существу, но более тонкие по исполнению. И, конечно, выполнение этой задачи предусматривает хотя бы самый краткий анализ уже сделанного советскими историками по данной теме, а также выявление проблем, еще не решенных ими.

§ 1. «МАРКС ПРОТИВ РОССИИ»?

Перед нами небольшая книга в режущей глаза, багряного цвета суперобложке. В верхнем левом углу — зловеще черный, похожий на чернильное пятно портрет Маркса, в нижнем правом — черные, в красном отблеске, силуэты куполов русских церквей; броское заглавие «Маркс против России», чуть ниже пояснение: «В этих захватывающих корреспонденциях для газеты «New York Daily Tribune» Маркс предупреждает о неизменных экспансионистских целях России».

Казалось бы, подобные объявления, а также вынесенные на лицевую сторону супера имена составителя и комментатора текстов Марк-

³ «Marx versus Russia», N. Y., 1962.

⁴ Helmut Krause. Marx und Engels und das Zeitgenössische Rußland, Gießen, 1958; Maximilien Rubel. «La Revue Socialiste», mai 1947, avril 1950, juillet 1951, novembre 1951, avril 1952 и др.

са — профессора Г. Дерига и профессора Г. Кона, всемирно известного своими пособиями по «национализму» и «духу» современной России, могли расшевелить любого равнодушного покупателя. Но искушенное американское издательство Frederic Ungar Publishing Co. знало, что обилие рекламных эффектов не всегда гарантирует прочный сбыт продукции. За десятилетия «холодной войны» читатель «свободного Запада» передержал в своих руках десятки, если не сотни книг в багряных и пурпурных обложках («красная опасность!»), давно уже не производят подобного впечатления тревожно кричащие заглавия: «Русская угроза Европе», «Красная прелюдия», «Тайные корни русской революции» ...Для полного успеха издания требовались новизна и сенсация. «Эти страницы, — извещает оборотная сторона обложки, — почти не известны Западу. Поразительно, но они никогда не переводились на родной язык Маркса, хотя современная Германия имеет все основания считать их актуальными. Куда менее удивительно, что они, кажется, полностью запрещены в коммунистической России».

Пробежав эти слова, читатель, мало-мальски знакомый с изданиями трудов Маркса в СССР и ГДР, начинает понимать, что дело не вполне чисто. Материалы из газеты «New York Daily Tribune» за 1853—1859 гг. неоднократно публиковались и на родном языке Маркса и на русском языке. Институт марксизма-ленинизма в СССР за последние десять лет провел большую работу по восстановлению текстов указанных статей Маркса и Энгельса в их подлинном виде. В предисловии к девятому тому собрания Сочинений К. Маркса и Ф. Энгельса (том этот вышел в 1957 г., за пять лет до публикации Дерига и Кона) черным по белому значится: «В отличие от первого издания Сочинений, где многие статьи Маркса и Энгельса из «New-York Daily Tribune» были опубликованы не в цельном виде, а разрозненными отрывками, сгруппированными в соответствии с их тематикой (при этом иногда некоторые отрывки из статей вовсе опускались), в настоящем издании все статьи Маркса и Энгельса публикуются в том виде, в каком они были в свое время напечатаны в газете»⁵.

Итак, в Советском Союзе в 1957—1959 гг. в томах 9, 10, 11 собрания Сочинений Маркса и Энгельса были опубликованы все их корреспонденции, «полностью запрещенные в коммунистической России». И, напротив, нельзя сказать, чтобы особой полнотой отличалась разбираемая хрестоматия. В ней содержатся, собственно говоря, даже не статьи Маркса и Энгельса, а большей частью краткие извлечения, лучше сказать, обрывки их статей. Но главное не в объеме воспроизведения первоисточника, а способе его обработки и подачи.

Неожиданности начинаются с заглавий, которыми составитель снабдил тексты. Они отражают содержание корреспонденций эпохи Крымской войны лишь в отдельных случаях («Неэффективность англо-французской блокады», «Политические последствия русского поражения под Калафатом», «Положение в России после смерти Николая» — стр. 49, 63, 70). Роль большей части названий далеко не столь безобидна — пробегаю их западный читатель легко может забыть, что перед ним «New York Daily Tribune» за 1853—1856 г., настолько они напоминают «New York Herald Tribune» или «New York Times» за 1953—1956 годы. Несколько примеров из раздела «Русская экспансия»: «Водораздел между Западом и Востоком идет от Штеттина до Триеста», «Упорное преследование Россией далеко идущих целей», «Приемы русской пропаганды», «Чего стоят русские обещания», «Россия преследует политику политического вымогательства», «Русский обман» (стр. 12, 13, 18, 35, 39 и др.). А вот заглавия раздела «Политика Запада». Если цель первых была

⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., изд. 2-е, т. 9, М., 1957, стр. XXIV.

сигнализировать, так сказать, об «угрозе с Востока», то цель вторых — пресечь демобилизационные настроения в самом «западном лагере»: «Запад дремлет и растрчивает свою энергию в мелочной перебранке», «Политика умиротворения западных держав по отношению к России», «Русские требования Турции стали возможны только из-за слабости Запада» (стр. 79, 81, 91).

Иллюзия поддерживается предельной краткостью комментария к «извлечениям». Составитель вообще не указывает, к какому году относятся извлечения, из какого номера газеты взяты те или иные куски, по какому конкретному поводу высказаны те или иные мысли. Но порой к ним даются весьма характерные вводные, призванные «освежить», так сказать, исторический материал, например: «Нельзя недооценивать центрального положения Константинополя в русской внешней политике. Не слишком далеко заходя в аналогиях, видим несомненную параллель в положении Берлина в современной холодной войне между Востоком и Западом»; или еще: «Панславизм как политическая сила и сегодня не потерял значения, и Советы извлекают его из своего идеологического арсенала каждый раз, как только это им потребуется» и т. п. (стр. 52, 109 и др.).

В одном из мест своего «Введения» Дериг с подкупающей откровенностью предупредил: издатель «исключил по возможности все, относящееся к тогдашним событиям, которые представляли в то время живой интерес, но ныне менее интересны... Наше издание поэтому рассчитано не на профессионального историка, а скорее на человека, интересующегося политикой, которому часто цитируемый, но не часто читаемый Маркс, говоря о постоянных факторах русской политической экспансии, дает массу актуальнейших исторических уроков — поистине неожиданный сюрприз для многочисленных читателей как Востока, так и Запада» (стр. VII—VIII).

Но в данном случае Дериг безусловно поскромничал: хрестоматия дарит «сюрпризы» не только читателю-дилетанту. Это обнаруживается, когда читатель-специалист начинает сверять «извлечения» с подлинными статьями Маркса и Энгельса, опубликованными в свое время в «Tribune» (заметим в скобках — о существовании Энгельса Дериг вообще забыл, хотя последнему принадлежит добрая половина цитируемых им статей; единственное случайное упоминание о нем появляется только в «Послесловии» Кона).

Возьмем для иллюстрации одно из самых решительных заявлений Энгельса — о «русском экспансионизме». Этим заявлением, в виду его особой важности, в хрестоматии открывается первый раздел «Русская экспансия»: «Но можно ли предположить, что эта столь гигантская и столь разросшаяся держава могла бы остановиться на полдороге, зайдя уже так далеко в своем стремлении превратиться в мировую империю? Если бы даже она этого и пожелала, ей не позволили бы обстоятельства. В результате аннексии Турции и Греции она приобретет превосходные морские порты, между тем как греки доставят ей искусных моряков для военного флота. Приобретя Константинополь, она утвердится в преддверии Средиземного моря; овладев Дураццо и албанским побережьем от Антивари до Арты, она проникнет в самый центр Адриатики, имея в поле зрения британские Ионические острова и находясь в 36 часах плавания на пароходе от Мальты. Окружив австрийские владения с севера, востока и юга, Россия вполне сможет обращаться с Габсбургами как со своими вассалами. И еще кое-что стало бы возможным, даже вероятным. Изломанная и извилистая западная граница империи, не совпадающая с естественными рубежами, потребовала бы исправления; и при этом оказалось бы, что естественная граница России идет от Данцига или Штеттина до Триеста. И поскольку одно завоевание неизбежно влечет за собой другое, а одна аннексия — другую, завоевание Турции Россией явилось

бы только прелюдией к аннексии Венгрии, Пруссии, Галиции и к окончательному созданию той славянской империи, о которой мечтали некоторые фанатичные философы панславизма»⁶.

Мы воспроизвели без каких-либо сокращений обширное высказывание Энгельса (многоотчие принадлежит Г. Деригу), дабы у почтенного профессора не было ни малейшего повода утверждать, что советские историки замалчивают какие-то «неудобные» им тексты классиков марксизма. А теперь, чтобы показать, что неудобные им тексты замалчивают как раз некоторые «западные» ученые, восстановим скрытый за тремя точками текст.

«Россия,— заключает свою мысль Энгельс,— безусловно страна, стремящаяся к завоеваниям, и она была ею в продолжение целого столетия, пока великое движение 1789 г. не породило ее грозного противника, полного могучих жизненных сил. Мы разумею европейскую революцию, взрывчатую силу демократических идей и врожденного человеку стремления к свободе. Начиная с этого времени на европейском континенте существуют только две силы: с одной стороны Россия и абсолютизм, с другой — революция и демократия»⁷.

Нетрудно понять — натренированная рука составителя поставила отчие как раз в том месте, где Энгельс уточнял, что носителем «русской экспансии» является самодержавная, абсолютистская Россия и что силой, способной остановить ее агрессию, является не просто «Запад», а общеевропейская демократическая революция.

Теперь мы можем точнее определить способ изготовления неожиданных «сюрпризов». Он состоит в вымарывании из корреспонденций «Нью-Йоркской трибуны» по возможности всего относящегося к социальной подоплеке европейских конфликтов первой половины — середины XIX в. Этой «методике» отбора и обработки документов соответствует и характер профессорского комментария к ним.

§ 2. ЕВРОПЕЙСКИЙ «МИРНЫЙ КОНЦЕРТ» XIX ВЕКА

Мы упоминали о том, что «извлечения» из «Нью-Йоркской Трибуны» даны в хрестоматии «Маркс против России» без каких-либо детальных отсылок к конкретно-исторической ситуации 1853—1856 гг. Справедливости ради следует уточнить, что история все-таки присутствует в этом пособии. Краткое «Введение» Дерига рассказывает читателю о событиях Крымской войны. «В начале 50-х годов прошлого века,— начинает профессор свой рассказ,— Европой, как на Востоке, так и на Западе, казалось, руководили консервативные державы, непосредственно заинтересованные в сохранении status quo — существующего порядка вещей.

Этот по видимости мирный концерт наций сначала нарушила заметная диссонирующая нота. Совершенно пустяковый спор между греко-православными и римско-католическими монахами в Палестине заставил выступить на сцену великие державы. Франция взяла под защиту католиков, Россия — христиан. Русский царь Николай I счел момент подходящим, чтобы поделить между великими державами турецкую империю, включавшую в то время Египет и Палестину. Тогда-то он и придумал знаменитую фразу о «больном человеке Европы»... Ссылаясь на безобидную статью Кучук-Кайнарджийского договора 1774 г., Николай предъявил ультиматум, требуя установления протектората над 10 миллионами турецких подданных православного вероисповедания. Когда Турция, как и следовало ожидать, отвергла это требование, Россия оккупировала Дунайские княжества (будущие балканские государства) и устье Дуная.

Первой реакцией западных держав на эту потрясающую агрессию был созыв конференции в Вене в июле 1853 г.; зная об огромных люд-

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 14—15.

⁷ Там же, стр. 15.

ских и материальных ресурсах России, никто не хотел на первых порах доводить дело до крайностей. Иными словами, каждый боялся России. Однако западное посредничество ни к чему не привело. Ко всеобщему удивлению сам «больной человек Европы» проявил неожиданную прыть и без промедления в октябре 1853 г. объявил России войну, вынудив тем самым западные державы раскрыть свои карты. Повторные предложения об урегулировании были высокомерно отвергнуты царем. Поскольку Россия игнорировала установленные сроки эвакуации так называемых Дунайских княжеств, Франция, искавшая лишний предохранительный клапан от внутренних политических затруднений, и Англия, возглавляемая ее проницательным и дерзким премьер-министром Пальмерстоном (и справедливо обеспокоенная за свои коммуникации с Востоком), объявили России войну. Австрия и Пруссия, которых Николай считал своими союзниками, остались нейтральными. Австрия на деле зашла дальше. Не объявляя войны, она предложила России покинуть бассейн Дуная... Весь либеральный мир — не исключая Карла Маркса — приветствовал войну, развернувшуюся главным образом на берегах России. На Балтике ничего решающего не произошло, дело должно было решиться на юге... В сентябре 1855 г. пал Севастополь. Русская победа над турками под Карсом в Малой Азии позволила Александру II — наследнику умершего тем временем Николая I начать, не роняя престижа, мирные переговоры, на которые с готовностью шли все стороны. Так в январе (на самом деле в марте *Е. П.*) 1856 г. был заключен Парижский мир. Умиротворяющий по форме, договор был чрезвычайно униزительным для России, хотя он и не угрожал ее существованию. Еще раз русское продвижение на Запад было остановлено» (стр. 3—6).

С историческими сюжетами покончено, профессор Дериг и подключившийся к нему со своим Послесловием профессор Кон начинают наводить мосты от прошлого к настоящему. Ситуация 1853—1856 гг., оказывается, «удивительно напоминала сегодняшнюю», «в то время, как и сейчас, существовали разногласия между Востоком и Западом», «тогда, как сейчас, речь шла об отвращении от Запада русской угрозы», «тогда, как и сейчас, масса времени и энергии растрачивалась на бесплодные конференции» и т. д. и т. п.

Мы, разумеется, не собираемся оспаривать право историков сравнивать события разных эпох. Мы попросту скажем: «дело», которым заняты в данном случае почтенные ученые, к научным занятиям имеет весьма и весьма отдаленное отношение. Дериг и Кон не просто употребляют метод аналогий — они злоупотребляют им. В их построении «тогда, как и теперь» сознательно, преднамеренно искажены не только нынешняя, но и прошлая ситуация в Европе.

Начнем с «мелких» умолчаний в описании ситуации «тогда». Дериг обошел тот факт, что инициатором конфликта из-за палестинских реликвий было французское правительство; он ничего не сказал о провокационном поведении английского посла в Турции Стратфорда де Редклиффа, а тот всячески стремился обострить конфликт во время демонстрационного визита князя Меншикова в Константинополь; явно занижены Деригом масштабы военных операций, унесших в общей сложности до миллиона жертв.

Желание затушевать виновность всех сторон в разжигании европейского внешнеполитического конфликта середины XIX в. слишком явно проглядывает за многими пробелами дериговского рассказа, чтобы счесть их случайными. А вот те же умолчания в характеристике глубинных предпосылок европейского конфликта (мы возвращаемся к началу рассказа Дерига). «В начале 50-х годов прошлого века Европой как на Востоке, так и на Западе (*Европой, разделенной на «Запад» и «Восток», или Европой как политически единым целым?*), казалось, руководили (*руководили или это только казалось?*) консервативные дер

жавы (какие именно державы?), заинтересованные в сохранении status quo, существующего порядка вещей (что же это был за порядок?)».

Профессор цепляет одну недомолвку за другую, говорит намеками там, где суть дела абсолютно ясна: царская Россия не противостояла Европе в XIX в., она была органической, составной частью (а до середины XIX в.— ведущей силой) того политического общеевропейского объединения, для характеристики которого даже западная буржуазная историография не может обычно обойтись без таких понятий, как «Венский договор», «Священный союз», «пентархия», «европейская реакция».

Поскольку понятия эти отсутствуют в профессорском рассказе и комментариях, нам придется поговорить об их содержании, напомнив о тех элементарных фактах, которые отражает любая из хрестоматий по истории международных отношений XIX века.

Эпоха потрясений, вызванных Французской революцией и походами Наполеона, закончилась, всем известно, Венским конгрессом 1814—1815 гг., заложившим на столетие вперед основу будущих общеевропейских конфликтов. Победу над Францией «освободители» Европы попытались превратить в победу над грозившей феодализму европейской революцией. Миссией созданного в Вене Священного союза стало сокрушение «гидры революции», в каком бы месте европейского континента она ни пыталась поднять голову — в Париже, Мадриде, Неаполе, Будапеште или Варшаве. Костяк Священного союза, этого коллективного творения европейской реакции, составили — по естественной логике вещей — три крупнейшие европейские монархии: Пруссия, Австрия, Россия. Ведущая роль последней в разгроме Наполеона, военное могущество русской армии обеспечили сначала Александру I, затем Николаю I главенствующую роль в союзе европейских деспотов.

Но хотя в создании Священного союза и ревностном несении охранительных обязанностей императорская Россия играла в первой половине XIX в. ведущую роль, заслужив по праву кличку «жандарм Европы», сам Союз (к которому в 1818 г. была «допущена» Франция Людовика XVIII) никогда не переставал функционировать как международное, общеевропейское объединение с довольно четким разделением «труда» — а «трудиться» его участникам приходилось немало. Попытки возратить Европу XIX в. к дореволюционным порядкам не могли не натолкнуться на яростное сопротивление европейской демократии.

К этому можно добавить, что и главенство России, ее императоров в делах европейской политики не было безусловным. Если в первом «Акте Священного Союза» преобладали еще следы мистицизма Александра I, то в последующих декларациях, а главное делах — следы практицизма австрийского министра иностранных дел Меттерниха, истинной религией которого был незыблемый политический консерватизм⁸.

Аахенский конгресс (1818 г.), собравшийся для определения отношений Франции с «монархами союзными», подчеркнул главную обязанность европейских держав — способствовать утверждению в Европе «тишины всеобщей», «соблюдению и утверждению порядка, коим мир возвращен Европе и коим единственно оный может быть обеспечен»⁹.

⁸ А. Мей, именую период европейской истории 1814—1848 гг. «веком Меттерниха», пишет о его «философии»: «Согласно его представлениям, стремления к народному правительству, гражданским свободам и тому подобное были страшной болезнью, которая одолела обретших голос представителей средних классов... Они являлись подстрекателями, которых следовало контролировать, обуздывать, а если нужно и наказывать, применяя физическую силу. Ум Меттерниха неотступно преследовал призрак громадного заговора, направленного на разрушение господствовавших тогда государственных и социальных порядков» (См. А. J. M. у. The Age of Metternich, 1814—1848, London, 1965, p. 2).

⁹ «Хрестоматия по истории международных отношений», вып. I, Европа и Америка М., 1963, стр. 105—106.

Внутренний смысл этой «миролюбивой» политики хорошо передал помощник Меттерниха Генц: «Государи и министры поняли, что им диктовал общий интерес. Они живо почувствовали необходимость взаимного доверия и более тесного соглашения, чем обычные соглашения, устанавливаемые трактатами. Они пожертвовали своими второстепенными интересами и заставили умолкнуть всякие другие соображения перед высшим долгом защитить авторитеты от крушений, спасая народы от собственных заблуждений. Не входя в излишние обязательства, они самым тесным образом сговорились о направлении, которого надо держаться среди бури»¹⁰.

На конгрессах в Троппау (1820 г.) и Лайбахе (1821 г.) Австрия, Россия и Пруссия не только пытались возвести в норму международного права принцип вооруженного вмешательства Священного союза во внутренние дела любых европейских государств, «которые во внутреннем своем устройстве подвергались вследствие мятежа изменениям», но и по существу добились санкций на вторжение австрийских войск в революционную Италию¹¹. Французская интервенция против революционной Испании была одобрена Веронским конгрессом (1822 г.).

И впоследствии, когда в силу разьедавших его внутренних противоречий Священный союз стал разваливаться, мрачная тень его обломков нависала над Европой всякий раз, как только на улицах европейских городов занималось пламя революционного пожара. Только беспорядки в царстве Польском — «передней» империи Николая I, предотвратили экспедицию царских войск в Европу в 1830 году, после того как Июльские события в Париже открыли новый тур революций. В то время как в 1849 г. объединенные силы русской и австрийской империй душили революционную Венгрию, объединенные силы Франции, Австрии, Неаполя и Испании громили Римскую республику. Пятнадцать — двадцать лет спустя тот же дух общеевропейской реакции проявился в пособничестве правительства Бисмарка сначала царскому правительству (расправа над восставшими поляками в 1863 г.), затем правительству палача Тьера во Франции (расправа над Парижской Коммуной в 1871 г.). Так, железом и кровью воплощались в жизнь заповеди Священного союза, творцам которого «бог, наш божественный спаситель, Иисус Христос» повелевал «с нежнейшим попечением убеждать своих подданных со дня на день утверждаться в правилах и деятельном исполнении обязанностей, в которых наставил человека божественный спаситель, аки единственное средство наслаждаться миром, который истекает от доброй совести и который един прочен».

В этом сыгранном «концерте» европейской реакции особую партию вела Англия, дипломаты которой (Кестльри, Веллингтон, Каннинг, Пальмерстон) часто выступали с протестами против принципа вооруженного вмешательства в дела государств, в то же время нередко посматривая сквозь пальцы на интервенцию в данную страну. Немало стараний Англия приложила и к тому, чтобы развалить Священный союз как официальную общеевропейскую организацию. Несомненно, что эта двойственная политика Англии в известной мере, в известные периоды, облегчала освобождение тех или иных революционных народов из-под опеки Священного союза. Так было с греческим восстанием 20-х гг., Июльской революцией 1830 г. во Франции, революцией в Бельгии и т. д. Но, вопреки утверждениям официальной английской историографии, вот уже целое столетие воспевающей заслуги «либеральной» Англии перед народами Европы, особая политика английского кабинета диктовалась отнюдь не соображениями чистого альтруизма,

¹⁰ Цит. по «Книге для чтения по истории нового времени», т. IV, ч. I, М., 1913, стр. 113.

¹¹ «Хрестоматия по истории международных отношений», стр. 107, 108.

гуманизма или сочувствия революционным народам, которое, как показалось поведение Англии во время венгерской революции 1848—1849 гг. или польского восстания 1863 г., редко шло дальше словесных обещаний поддержки революционерам, при фактическом попустительстве акциям контрреволюции. Лондон стремился прежде всего обеспечить экономические и политические интересы Британской империи и с точки зрения ее укрепления рассматривал события в Европе. Уже в период войн с Наполеоном Англия старалась компенсировать незначительность своих территориальных приобретений в Европе захватом новых заморских территорий — Цейлона, значительной части Индостана — в Азии, Капландии — в Африке, ряда островов в Индийском и Тихом океанах. После Венского конгресса объектом британской торговой и колониальной экспансии стали латиноамериканские колонии Испании и Португалии, Ближний Восток и все еще «незанятые» пространства Среднего и Дальнего Востока. На самом континенте Европы главная цель Англии, не способной соперничать с мощными сухопутными силами европейских держав, состояла в том, чтобы, поддерживая реакционные режимы (царизм в России, бонапартизм во Франции) в качестве главного противовеса «шестой державе» — европейской революции, в то же самое время препятствовать усилению каждого из своих «союзников», а тем более — созданию объединенной политической группировки, могущей в тот или иной момент нанести ущерб британским интересам. Поражение Наполеона устраняло — по крайней мере на время — главного европейского конкурента Англии, но творцы британской дипломатии с опасением взирали на перспективу консолидации союза трех континентальных монархов, кровно связанных не только задачами борьбы с революционным движением народов, но и совместным дележом Польши. Отсюда понятно, почему Англия, взяв с самого начала курс на развал Священного союза, вела политику натравливания одного европейского государства на другое. Отсюда понятно, почему англо-русские противоречия сделались ведущими противоречиями европейской политики: Лондон всеми силами и средствами противодействовал русской гегемонии в Священном союзе, русской экспансии на Ближнем Востоке и в Азии.

Правда, общеевропейская конъюнктура и расстановка сил определялись не одними только англо-русскими противоречиями. Узы того «действительного и неразрывного братства», которыми связал европейские державы Акт Священного союза, разрывали изнутри самые разнообразные противоборствующие тенденции и столкновения. Англия стремилась не допустить усиления Франции в Европе, противодействовала испанской и французской колониальной политике, боролась после франко-прусской войны с усилившейся колониальной экспансией Германии. В свою очередь Париж, еще во время Венского конгресса сыгравший на противоречиях в лагере победителей, соперничал не только с Лондоном (из-за влияния в Испании, Португалии, Бельгии, Африке, Латинской Америке), но и с Петербургом (из-за раздела сфер влияния в Османской империи). Со все возрастающей тревогой Франция следила и за усилением Пруссии, которая в результате перекройки европейской карты в 1815 г. стала ее близким соседом. В свою очередь накрепко спаянные между собой разделом Польши и задачами общеевропейской реакционной политики, Берлин, Вена и Петербург также продолжали то тайное, то явное соперничество. Экспансия Пруссии, порой поощряемая Россией, грозила интересам Габсбургской монархии, которая с тревогой следила за процессом объединения Германии под эгидой прусского государства, затем та же экспансия стала все более угрожать интересам самой России. С другой стороны, Австрийская многонациональная империя — угнетатель малых славянских наций — усматривала потенциальную угрозу своему существованию в русской экспансии на Ближнем Востоке, которая осуществлялась под лозунгом «освобождения» христианских или

славянских наций. К этим основным традиционным противоречиям добавлялись и многочисленные конъюнктурные трения, вызванные теми или иными случайными обстоятельствами и факторами (смена того или иного кабинета или министра иностранных дел в Англии, того или иного монарха в России или Австрии, влияние личных симпатий и антипатий, просто капризов людей, стоявших у руля государственной машины в той или иной стране, и т. д. Эти трения еще более усложняли общеевропейскую ситуацию, порождали самые разнообразные, преходящие комбинации в сочетании сил, склоняли в пользу то той, то другой группировки, то одной, то другой державы чашу весов «европейского равновесия». В общем и целом, если уж пользоваться дериговским выражением, то придется признать, что тот «концерт европейских наций», музыку которого пришлось слушать в XIX в. народам Европы, не был ни «мирным» — каждое его отделение заканчивалось то залпами на улицах Парижа, Варшавы, Вены, Будапешта, то канонадой на полях Франции, Крыма или в ущельях Балканских хребтов, — ни «сыгранным». Более или менее слаженные движения музыкантов, занятых исполнением своей основной контрреволюционной «темы», то и дело сменялись совершеннейшим разноречием, а то и просто потасовками, как только оркестр переходил к вариациям на темы европейской межгосударственной политики.

Сведя весь европейский «концерт» лишь к одному «музыкальному» эпизоду, вырвав из всей суммы европейских событий XIX в. только один, хотя и существенный эпизод — Крымскую войну, выделив из целого комплекса разнообразных противоборствующих тенденций тенденции одного только порядка, Дериг и Кон затем придали этим тенденциям всеобщую, абсолютную форму, распространили их на все периоды и времена, превратив борьбу Англии и Франции против России в 1853—1856 гг. в некий извечный конфликт «Запада и Востока». Но, во-первых, если даже рассматривать Восточный вопрос в данном крайне узком разрезе, то мы увидим, что диспозиция сил начала — середины 50-х годов (Англия плюс Франция плюс Турция против России при «нейтралитете» Пруссии и Австрии) была характерна далеко не для всего XIX века. В конце 20-х годов Европа видела кратковременный союз Англии, России, Франции против Порты (за спиной которой стояла Австрия Меттерниха). Через какое-нибудь десятилетие на смену этой комбинации пришла комбинация конца 30 — начала 40-х гг. (Англия плюс Россия против Франции при «нейтралитете» Австрии и Пруссии). Через десятилетие мы видим уже совершенно иную расстановку сил кануна и развязывания Крымской войны. Затем комбинация эпохи Крымской войны сменяется в конце XIX — начале XX в. еще одной комбинацией (Франция плюс Россия плюс Англия против Германии и Австро-Венгрии). Взяв за «основу» любую из данных ситуаций и пользуясь «методологией» Дерига, можно было бы легко открыть в Европе не только борьбу «Запада и Востока», но и столь же «извечную» борьбу англосаксов и русских против французов или борьбу англосаксов, французов и русских против германцев...

§ 3. МАРКС И ЭНГЕЛЬС О ВОСТОЧНОМ ВОПРОСЕ

От изложения сути Восточного вопроса перейдем к освещению позиции Маркса и Энгельса. Составитель хрестоматии «Маркс против России», пообещав очертить всю глубину понимания Марксом внутренней кухни политики России и ее западных противников, старался, как он сам пишет, выделить прежде всего «основополагающие оценки, касающиеся извечной антитезы Восток — Запад и неувядающую ценность приговоров Маркса по поводу прирожденных факторов, направляющих русскую политику экспансии, независимо от того, какое правительство стоит у власти в данный момент» (Введение, стр. 8).

Начнем с необходимого уточнения: Маркс и забытый составителем Энгельс не раз говорили о «вечном» восточном вопросе, но не говорили

о «извечной» антитезе Восток — Запад. Вот одно из суждений из «Нью-Йоркской Трибуны» за 1853 г.: «Всякий раз, когда утихает на время революционный ураган, один и тот же вопрос непременно вновь всплывает на поверхность — это вечный *«восточный вопрос»*. Так было, когда отшумели бури первой французской революции и после Тильзитского мира Наполеон и русский царь Александр поделили между собой всю континентальную Европу; тогда Александр воспользовался наступившим на короткое время затишьем и двинул в Турцию армию, чтобы «протянуть руку помощи» тем силам, которые стремились разрушить изнутри эту клонящуюся к гибели империю. Некоторое время спустя, едва только Лайбахским и Веронским конгрессами были подавлены революционные движения в Западной Европе, Николай, преемник Александра, нанес новый удар Турции. Потом, через несколько лет, когда отзвучала июльская революция и сопровождавшие ее восстания в Польше, Италии и Бельгии, и Европа, в том виде, какой она приобрела в 1831 г., казалось, избавилась от внутренних потрясений,— восточный вопрос в 1840 г. вновь чуть было не втянул «великие державы» во всеобщую войну. И ныне, когда пораженные близорукостью правящие пигмеи похваляются тем, что они якобы счастливо избавили Европу от опасностей анархии и революции, вновь выступает на сцену все тот же неразрешимый вопрос, все тот же неисчерпаемый источник затруднений: как быть с Турцией?»¹².

Из этого и аналогичных высказываний, очевидно, в силу своей важности так и не попавших в хрестоматию, можно сделать по крайней мере два заключения.

Во-первых, глубина понимания Марксом и Энгельсом «внутренней кухни» европейской политики была связана с выявлением им существенной зависимости между двумя темами «общевропейского концерта»: зависимости между социальными и межгосударственными противоречиями в масштабе всей Европы. А поскольку разлагающаяся Оттоманская империя была предметом вождельний ведущих государств Европы, сферой приложения их сил, то не удивительно, что именно в статьях эпохи Крымской войны Марксу удалось выделить основную закономерность европейской внешнеполитической жизни XIX в., которая состояла в смягчении межгосударственных трений и конфликтов в периоды революционных потрясений в Европе и их обострении в периоды реакционных междуцарствий.

«Можно считать величайшей удачей,— заявляет Дериг,— что эта переломная эпоха обрела в Карле Марксе столь проникательного и ясно-видящего истолкователя» (стр. 1). С этим можно вполне согласиться, добавив только, что «проницательность» и «ясновидение» Маркса были результатом изучения политической истории Европы с позиций теории классовой борьбы. Наличие, пускай слабых, революционных сил в главных странах Европы накладывало свою печать и на масштабы и на развитие государственных противоречий. Уже в XIX в. правящие классы Европы стали учитывать в той или иной мере опасность перерастания войн межгосударственных в войны социальные, революционные. Логика развития дипломатического конфликта втянула Россию, Англию и Францию в общевропейскую войну, но война эта тем не менее не потеряла ограниченного характера. Несмотря на огромные потери воюющих сторон, борьба между ними никогда не принимала столь беспощадного характера, как, скажем, контрреволюционные войны России против Польши, России и Австрии против Венгрии, или война Версаля против Парижской Коммуны, когда защитники «порядка» стремились буквально стереть с лица земли нарушителей «мира» и «всеобщей тишины».

¹² К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 3—4.

Маркс и Энгельс постоянно указывали в своих корреспонденциях начала — середины 50-х годов на своеобразный характер всего конфликта, во время которого европейские державы не проявляли особых намерений нанести России решающий удар. Эту «странность» политики западных держав вожди европейского пролетариата отмечают и на самой ранней стадии развития конфликта, когда Англия и Франция то начинали поощрять султана к сопротивлению царю «из страха перед завоеваниями России», то вынуждали его к уступкам «из страха перед всеобщей войной», которая послужит толчком ко всеобщей революции»¹³. Ту же скованность действий союзников Маркс и Энгельс фиксируют после начала вооруженной борьбы, когда длительное, трудно объяснимое «стратегией» пребывание экспедиционного корпуса под Константинополем сменилось его многомесячным стоянием под Варной. Начавшиеся в конце концов операции на Крымском полуострове, несмотря на огромные жертвы сторон, также велись, по их мнению, западными державами без перспективных стратегических замыслов и не могли сами по себе радикально подорвать политическое и военное могущество России в Европе, которое базировалось, как подчеркивали Маркс и Энгельс, прежде всего на выдвинутом вперед «польском» форпосте. «Мы вполне можем на время предоставить Джону Булю и Жаку Боному ликовать по поводу «славной победы» при Альме и предвкушать падение Севастополя, — писал Энгельс в октябре 1854 г. — Военные действия на Дунае и в Крыму, как бы много они ни значили для союзников и для лагеря европейского буржуазного либерализма, для России не имеют большого значения. Центр тяжести этой страны никак не может быть затронут исходом этих военных действий...»¹⁴. Эта оценка не изменилась и после падения Севастополя, которое, казалось бы, давало решающий «козырь» в руки союзников. Война оставалась, как и раньше, «большой войной в малых масштабах», нерешительность и непоследовательность — главной чертой «стратегии» союзников¹⁵.

Дериг приводит некоторые из этих оценок стратегии союзников, он расхваливает во всю данную Марксом «саркастическую критику ведения войны». Но если уж говорить об открытой Марксом и Энгельсом «тайне» странного характера войны, то она, по их мысли, заключалась не в «дремоте» или «слабости» Запада, а как раз в том самом Венском договоре, о котором профессор счел уместным промолчать в первом «обобщающем» абзаце своего «труда».

Сослемся на свидетельство Маркса из статьи «Странная политика» (10 июля 1855 г.), опять-таки отсутствующее в хрестоматии. «Преобладающее влияние России в Европе неотделимо от Венского договора; — писал Маркс, — поэтому любая война против этой державы, если только с самого начала ее не будет провозглашена отмена договора, неминуемо выльется в серию обманов, надувательств и тайных сговоров. Между тем нынешняя война предпринята не с целью аннулирования Венского договора, а скорее с целью его упрочения посредством дополнительного включения Турции в протоколы 1815 года. Надеются, что с этого момента начнется тысячелетнее царство консерватизма и объединенные усилия правительств можно будет направить исключительно на «успокоение» умов в Европе»¹⁶.

Во-вторых, что не менее существенно для нашей темы, само решение «вечной» восточной проблемы (как и решение других европейских проблем, таких, как ликвидация бонапартизма во Франции, деспотических монархических режимов в Австрии и Пруссии, продажной олигархии в

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 219.

¹⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 10, стр. 532.

¹⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 14.

¹⁶ Там же, стр. 321.

Англии, освобождение малых народов Юго-Восточной Европы и т. д.) вожди пролетариата ставили как раз в зависимость от перспектив развития социальной общеевропейской войны.

«Вечный» восточный вопрос будет вечным только до тех пор и постольку, пока и поскольку его решение Европа будет искать на путях традиционной внешней политики, которую в ту пору целиком и полностью определяли правящие эксплуататорские классы, пока в грязную дипломатическую игру этих правящих классов не вмешается революция классов угнетенных — такова суть позиции и Маркса и Энгельса и в 50-е и в последующие годы.

Именно потому, что антитеза «европейская реакция — европейская революция» (а не мнимая антитеза «Восток — Запад») стояла в центре внимания вождей пролетариата, эпизоды вызревавшей в эти годы в недрах европейского континента социальной войны привлекали их внимание едва ли в меньшей мере, чем эпизоды Крымской войны. Совершенно обойти эту сторону дела не смог даже такой мастер на фигуры умолчаний, как Дери́г. В хрестоматии приведены одно-два из многих высказываний Маркса по поводу классовой борьбы в Англии, немедленно «нейтрализуемые» следующим заявлением Дери́га: «...Для Карла Маркса антагонизм между капиталом и трудом отступал на второй план перед вечным единоборством Запада и Востока, в котором его симпатии, несмотря на все осуждения, принадлежали недвусмысленно западной стороне» (стр. 11).

Но десятки и сотни «опущенных» профессором мест показывают, что говорить о каком-то «втором плане» никак не приходится. Маркс и Энгельс тщательно следят не только за сражениями турецкой и русской армий на Дунае, под Силистрией, Калафатом, но и за непрекращающимися сражениями между трудом и капиталом в Лондоне или промышленных округах Англии (Манчестере, Южном Уэльсе и Бирмингеме), их интересует не только очищение Дунайских княжеств русскими войсками, но и продолжающийся процесс очистки имений в Шотландии и Ирландии от арендаторов-бедняков, не только операции союзного флота под Одессой или у Аландских островов, но и массовые демонстрации лондонского пролетариата, не только речи Абердина или Пальмерстона, манифесты Николая I и Александра II, но и выступления вождей английских чартистов, постановления английского рабочего парламента в Манчестере 1854 г.; они изучают не только тактические маневры экспедиционных корпусов в Крыму, но и тактику борьбы английских промышленников против бастующих рабочих, они исчисляют не только потери союзников на полях России, но и жертвы, которые приносит пролетариат на заводах и шахтах Англии, не только сводки союзного командования, но и «Отчеты фабричных инспекторов». «Этот промышленный бюллетень фабричных инспекторов,— писал Маркс,— страшнее, ужаснее любого бюллетеня о сражениях в Крыму. Женщины и дети систематически представляют значительный контингент для списка раненых и убитых. Смерть и раны не менее привычны, чем те рубцы, которые плетъ плантатора оставляет на теле негра»¹⁷.

Скажем больше — сама Крымская война, в которой «либеральный» Запад выступал против абсолютистской России, интересовала Маркса и Энгельса главным образом с точки зрения тех отдаленных перспектив, которые она открывала перед европейским революционным движением, с точки зрения перерастания ее в войну революционную, в общеевропейскую войну между правительствами и угнетенными народами. И хотя у Маркса и Энгельса порой возникали неоправданные иллюзии, хотя и в их статьях присутствуют отдельные просчеты в определении сроков и конкретного хода событий — вполне объяснимые и узостью информации

¹⁷ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 11, стр. 399—400.

и тем, что само руководство политикой находилось в руках правящих классов, не подконтрольных общественному мнению,— однако общие тенденции европейской политики были выявлены ими гениально, решение Восточного вопроса предугадано с опережением событий почти на столетие вперед.

«Нет,— восклицал Энгельс, устраняя всякую возможность инакотолкований,— дипломатия и правительства, действующие на старый лад, никогда не разрешат этого затруднения. Решение турецкой проблемы, как и других великих проблем, выпадет на долю европейской революции. И вовсе не является самонадеянностью причислять этот на первый взгляд посторонний вопрос к тому, что законно входит в сферу этого великого движения. Начиная с 1789 г., границы революции неизменно передвигаются все дальше. Ее последними рубежами были Варшава, Дебрецен, Бухарест; аванпостами ближайшей революции должны быть Петербург и Константинополь. Это два наиболее уязвимых пункта, в которых должен быть атакован русский антиреволюционный колосс»¹⁸.

Заявление о действующих на старый лад «правительствах» Европы и Петербурге, как одном из «аванпостов» грядущей европейской революции не оставляет сомнений: намечая общеевропейский водораздел «абсолютизм — революция», «деспотизм — свобода», Маркс и Энгельс включали в первый из противостоящих лагерей не только русскую, но и западноевропейскую монархическую и буржуазную реакцию, а ко второму лагерю относили не только западноевропейскую, но и русскую демократию. Общеевропейское революционное движение (включая грядущую русскую революцию) против «союза европейских деспотов» и примкнувшей к этому союзу буржуазной Англии — так и только так рисовалась общая перспектива развития событий в Европе перед вождями европейского пролетариата.

Правда, заявлений о грядущей русской революции в корреспонденциях Маркса и Энгельса 1953—1956 гг. сравнительно немного. Оппозиционное политическое движение внутри России начала 50-х гг. — страны «с полуазиатскими общественными условиями, обычаями, традициями и учреждениями» (Маркс) — было еще слабым. К тому же информация о внутриполитической борьбе и крестьянском движении в России была тогда в странах Западной Европы крайне ограничена. Поэтому когда речь шла не об отдаленных перспективах, а о непосредственной ситуации эпохи Крымской войны, Маркс и Энгельс подходили к России как единому целому, они постоянно говорили о «реакционной роли России», о «вторжении русских», защите «европейской цивилизации от посягательств России», ее «завоевательных стремлениях» и т. д. и т. п.

Этот принципиальный подход они не меняют и десятилетие спустя, к середине 60-х годов, когда в России уже обозначилось радикальное оппозиционное движение, не ставшее, однако, и в эту пору массовым. Отвечая прудонистам, обвинившим Генсовет Интернационала в том, что он совершил тяжкий грех против принципов «всемирной демократии и братства всех народов», объявив «великодушный русский народ вне пределов цивилизованной Европы», Энгельс писал: «Когда рабочий класс России (если в этой стране есть таковой в том смысле, как это понимают в Западной Европе) создаст политическую программу, и в эту программу войдет требование освобождения Польши,— тогда, и лишь тогда, речь пойдет уже не о России как нации, и обвиняемым останется только царское правительство»¹⁹.

Позиция Маркса и Энгельса в этом вопросе на расходилась, кстати сказать, с позицией последовательных революционных демократов 60-х гг. в самой России. «Мы помним,— писал в 1914 г. В. И. Ленин,— как

¹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 33.

¹⁹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 158.

полвека тому назад великорусский демократ Чернышевский, отдавая свою жизнь делу революции, сказал: «жалкая нация, нация рабов, сверху донизу — все рабы». Откровенные и прикровенные рабы-великороссы (рабы по отношению к царской монархии) не любят вспоминать об этих словах. А, по-нашему, это были слова настоящей любви к родине, любви, тоскующей вследствие отсутствия революционности в массах великорусского населения. Тогда ее не было. Теперь ее мало, но она уже есть»²⁰.

Уже в начале XX в. рабочий класс России создал ту программу, о которой мечтал Энгельс; та революционность в массах великорусского населения, которая отсутствовала в эпоху Чернышевского — Маркса, стала фактом в эпоху Ленина; бывшие «рабы» перевернули снизу доверху старую Россию, «жалкая нация» доказала в 1917 г., что она великая; новая Россия четверть века назад спасла Европу от фашистского варварства. Однако все эти исторические потрясения и перевороты не мешают профессору Деригу размахивать фразами вековой давности о защите «европейской цивилизации» от «русско-монгольского варварства», манипулировать цитатами, относящимися к другой России, другим русским, иным временам.

Но Маркс и Энгельс столь же мало были «врагами» России и русских, сколь мало они были безусловными защитниками «западной цивилизации».

Последний аспект лучше всего выяснить на отношении Маркса к стране, достигшей к середине XIX века высшей ступени этой цивилизации — буржуазно-аристократической Англии.

§ 4. МАРКС ПРОТИВ БУРЖУАЗНОЙ АНГЛИИ

Разбирая тексты Маркса, мы вслед за Деригом ограничивали свой разбор рамками одной только Юго-Восточной Европы. Это было оправдано в том смысле, что в 1852—1856 гг. Европейский Юго-Восток был главной сферой приложения европейских политических сил, главным объектом интересов Маркса и Энгельса. Однако даже в это время Восточный вопрос ни Маркс, ни Энгельс не сводили к турецкому вопросу. Сфера их интересов была гораздо шире, она включала не только Европу, но и весь Азиатский материк. И если на Балканском театре военных действий главными действующими лицами были Россия, Англия, Франция, то на континенте Азии инициатива действий принадлежала несомненно Англии, развертывавшей в эти годы неукротимую экспансию в Индии, Китае, Персии, Афганистане, Бирме.

Если бы буржуазные «марксоведы» поставили целью раскрыть взгляды подлинного Маркса на подлинные, а не выдуманные проблемы XIX в., то они должны были бы признать, что такие статьи, как «Британское владычество в Индии», «Индийский вопрос», «Война в Бирме», «Будущие результаты британского владычества в Индии» вовсе не случайно оказались в 1853—1856 гг. среди прочих корреспонденций Маркса и Энгельса в «Нью-Йорской Трибуне». Не случайно и то, что данная тематика усиливается после окончания Крымского конфликта, когда, связав Парижским договором Россию — своего главного соперника на Востоке, Англия значительно расширяет рамки колониальной войны против азиатских народов, о чем говорят хотя бы следующие корреспонденции Маркса от 1857—1859 гг.: «Англо-персидская война», «Англо-китайский конфликт», «Английские жестокости в Китае», «Новая экспедиция англичан в Китай», «Индийский вопрос», «Индийское восстание», «Англо-китайский договор» и т. п.

²⁰ В. И. Ленин. ПСС, т. 26, стр. 107.

Кстати говоря, из этих корреспонденций можно было бы сделать не менее объемистую хрестоматию, чем хрестоматия «Маркс против России», разумеется, выпустив ее под более точным названием: «Маркс против буржуазной Англии» (и, разумеется, не допуская того произвола в обращении с источниками, который допускал систематически и постоянно Дериг).

Первый раздел этого пособия можно было бы открыть следующим эффектным заглавием, заимствованным из текстов Маркса: «Неудержимую английскую экспансию в Азии может остановить только Индийский, Тихий или Ледовитый океан». Далее можно было бы процитировать следующее марксово высказывание, относящееся, кстати сказать, к 1853 г.: «Так называемый мирный договор с Бирмой, о котором возвестила прокламация генерал-губернатора Индии от 30 июня 1853 г. и по поводу которого королева поздравила парламент, на самом деле является только перемирием... Единственно чего добилась Англия в войне с Бирмой, это установления подверженной опасности и спорной границы вместо надежной и признанной. Англия устремилась за этнографические, географические и политические пределы своих индийских владений, и теперь сама Небесная империя уже не составляет естественной преграды для ее завоевательных сил. Англия утратила свой центр тяжести в Азии, ее повлекло к беспредельным захватам. Она больше не в состоянии контролировать свои собственные движения и остановится лишь там, где кончается суша и начинается море»²¹.

О «гнусной системе английского господства» или «европейском деспотизме, возвращенном на почве азиатского деспотизма» (в отличие от Дерига мы используем только оригинальные выражения, принадлежащие самому Марксу), читаем в статьях «Британское владычество в Индии» или «Ост-индская компания, ее история и результаты ее деятельности», не говоря уже о десятках извлечений из других статей 1858—1859 гг.

Если переходить от Азии к Европе, то отношение Маркса к английскому правительству, пособию европейской реакции, лучше всего выражено в блестящем памфлете «Лорд Пальмерстон», рисуящем следующим образом смысл действий прожженного политика, вождя английской дипломатии XIX в.: «Одни обвиняют его в том, что он состоит на жаловании у России, другие подозревают его в карбонарстве... Если он предавал чужие народы, то делал это с величайшей вежливостью, ибо вежливость — это мелкая монета чёрта, которой чёрт оплачивает кровь обманутых им простаков. Если угнетатели всегда могли рассчитывать на его действительную помощь, то угнетенных он щедро одаривал своим парламентским великодушием. Подавление поляков, итальянцев, венгров, немцев всегда совпадало с его пребыванием у власти, но расправлявшиеся с ними деспоты всегда подозревали его в тайных сношениях с жертвами, которых они преследовали с его же соизволения»²².

Общая оценка той самой «европейской цивилизации», в защитники которой Дериг и поддерживавший его Кон определили Маркса, содержится в его речи от 14 апреля 1856 г. Она, правда, была напечатана не в «Нью-Йоркской Трибуне», а в другой газете, но ввиду важности темы можно процитировать и ее: «Налицо великий факт, характерный для нашего XIX века, факт, который не смеет отрицать ни одна партия. С одной стороны, пробуждены к жизни такие промышленные и научные силы, о каких и не подозревали ни в одну из предшествовавших эпох истории человечества. С другой стороны, видны признаки упадка, далеко

²¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 294—295.

²² Там же, стр. 361—362.

превосходящего все известные в истории ужасы последних времен Римской империи.

В наше время все как бы чревато своей противоположностью. Мы видим, что машины, обладающие чудесной силой сокращать и делать плодотворнее человеческий труд, приносят людям голод и изнурение. Новые, до сих пор неизвестные источники богатства, благодаря каким-то странным, непонятным чарам превращаются в источники нищеты. Победы техники как бы куплены ценой моральной деградации. Кажется, что, по мере того, как человечество подчиняет себе природу, человек становится рабом других людей либо же рабом своей собственной подлости. Даже чистый свет науки не может, по-видимому, сиять иначе, как только на мрачном фоне невежества. Все наши открытия и весь наш прогресс как бы приводят к тому, что материальные силы наделяются интеллектуальной жизнью, а человеческая жизнь, лишенная своей интеллектуальной стороны, низводится до степени простой материальной силы. Этот антагонизм между современной промышленностью и наукой, с одной стороны, современной нищетой и упадком — с другой, этот антагонизм между производительными силами и общественными отношениями нашей эпохи есть осязаемый, неизбежный и неоспоримый факт»²³.

Наконец, что касается перспектив грядущего, то хрестоматию можно было бы увенчать разделом: «Восточный вопрос и грядущая социальная революция», куда вошли бы десятки и сотни высказываний Маркса о свержении господства европейской буржуазии в Европе и свержении абсолютизма в России как предпосылках превращения кровавого прогресса буржуазной цивилизации в такой прогресс, который будет осуществляться совместными сознательными усилиями самих освобожденных народов. «Лишь после того как великая социальная революция овладеет достижениями буржуазной эпохи, мировым рынком и современными производительными силами и подчинит их общему контролю наиболее передовых народов,— говорит Маркс,— лишь тогда человеческий прогресс перестанет уподобляться тому отвратительному языческому идолу, который не желал пить нектар иначе, как из черепов убитых»²⁴.

Впрочем, будем реалистами. Издательство «Frederick Ungar Publishing Co» никогда не издаст хрестоматии «Маркс против буржуазной Англии». Очевидно, не внесет оно никаких принципиальных поправок и в уже изданное пособие «Маркс против России» с тем, чтобы и по названию и по содержанию своему оно приобрело полностью отвечающий работам Маркса смысл: «Маркс против самодержавной России». Скорее всего следует ожидать в ближайшее время простого переиздания данного пособия в его нетронуто девственном виде. Но в последнем случае мы все же посоветовали бы издателям вынести на лицевую сторону обложки дополнительно к уже имеющимся рекламным текстам еще одно высказывание Маркса из опубликованных в свое время в «Нью-Йоркской Трибуне». Оно, правда, характеризует торговлю буржуазного общества XIX в., но его с успехом можно отнести к той современной книжной торговле, развитию которой так способствует Frederick Ungar Publishing Co: «Фальсификация является *правилом*, добродетельность — *исключением*. Вещества, которые примешиваются с целью придать негодным продуктам цвет, запах, вкус, большей частью ядовиты и все разрушительно действуют на здоровье. Торговля представляется чем-то вроде громадной лаборатории обмана, прейскурант — дьявольским каталогом несуществующих предметов, свободная конкуренция — свободой отравлять и подвергаться отравлению»²⁵.

²³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 12, стр. 3—4

²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 9, стр. 230.

²⁵ Там же, т. 11, стр. 399.

Насколько нам известно, разобранное в статье пособие издавалось дважды: в ФРГ оно шло под титулом «Marx contra Russland», в США — «Marx versus Russia»; выводы Дерига поддержал и развил в заокеанском издании Кон. Воистину, это тот самый случай, о котором хорошо говорит приведенная нами выше английская пословица, русский перевод которой звучит примерно так: «рыбак рыбака видит издалека». Ведь если основной тезис Дерига гласил: Маркс смотрел на Россию, как на «извечного» врага «западной цивилизации», то именно Ганс Кон еще в 50-х годах обосновал нечто вроде антитезы: «Ленин смотрел на западное общество и цивилизацию как на главного врага»; «Запад и его цивилизация олицетворяли все, что Ленин был намерен разрушить»²⁶.

Объединенными усилиями западногерманского и американского историковедов пособие «Маркс против России» было несколько расширено. В нем появилось коновское «Послесловие», до предела насыщенное знакомыми рассуждениями о «преемственности» политики царской и коммунистической России, избитыми умозаключениями о «родстве» фашизма и коммунизма (а также «тождественности» последнего славянофильскому мессианизму). Присутствовал в послесловии и традиционный коновский набор цитат — высказываний лиц, познавших «дух» России и коммунизма, и первого среди них, графа де Кюстина, который нашел русских «упивающихся подчинением и послушанием и в то же время обуравляемых великой национальной амбицией, которая примиряла их с отсутствием свободы» (стр. 197).

И еще одно совпадение и снова счастливейшее! Участие Ганса Кона в издании дериговской хрестоматии почти совпало по времени с выходом его собственного юбилейного труда «Размышления о современной истории. Историк и ответственность перед человечеством». В предисловии к нему биографы прославленного американского историка оповестили мир, что профессор являет собой «классический пример мышления XX века, воспринявшего лучшие традиции и высокие стандарты современной науки», и главное, что он «всегда оставался беспристрастным историком и никогда не был псевдоисториком, пытающимся использовать историю в политических целях». Сам Ганс Кон, торжественно подтверждая эти свидетельства, заявлял в той же книге: «Первая задача историка — терпеливым и кропотливым исследованием открыть истинные факты прошлого»; «историки несут ответственность не перед нациями или классами, догматами или верой, но перед одной лишь истиной и человечеством»²⁷.

Поскольку вопрос о том, что понимает профессор Кон под «кропотливым исследованием» фактов прошлого, в свое время детально освещался нами, остановимся дополнительно на одном только моменте. Дело в том, что во всех своих последних работах Г. Кон объявлял себя противником коммуниста Маркса, считая марксизм «классово предвзятым», «метафизическим» и «необъективным» учением, давно превзойденным развитием науки XX века. «Его учение о том, что все идеи обусловлены интересами и положением — средство для переоценки всех противоположных мнений, — утверждал Кон, — низводит интеллектуальную жизнь до простого

²⁶ Для этого Гансу Кону оказалось достаточным заменить при публикации ленинской статьи «Исторические судьбы учения Маркса» традиционным отточиом «всего пару строк»: «Не отчаяние, а бодрость надо почерпнуть из факта вовлечения восьмисот-миллионной Азии в борьбе за те же европейские идеалы». Подробнее о пособиях Кона «The Mind of Modern Russia», N. Y. 1955 и «Basic History of Modern Russia», N. Y., 1957 см. в книге Ю. В. Карякин, Е. Г. Плимак. Мистер Кон исследует «русский дух», М., 1962.

²⁷ H. Koh n. Reflections in Modern History. The Historian and Human Responsibility, N. Y. 1963, p. 6, 9—10.

инструмента жизненной и общественной борьбы и разрушает саму человеческую общность»²⁸.

И вот теперь тот же профессор Кон подписывается под «чарующими корреспонденциями» Маркса, объявляя их — вместе с Деригом — чуть ли не пророческими для XX века! Что же произошло? Поскольку принципиальное отношение Кона к марксизму не менялось, нам остается предположить одно: произошло своеобразное «отрицание отрицания»! Тексты «необъективного» и «классово-ограниченного» Маркса, будучи фальсифицированы профессорами Деригом и Коном, приобрели наконец-то ту меру «объективности», которая устраивает «западных» историков, несущих ответственность «не перед нациями или классами, догматами или верой, но перед одной лишь истиной и человечеством»...

²⁸ Н. К о h n. Twentieth century, N. Y., 1957, p. 54.

